

кв. 334.

Дело № 14.

14	ДЕТА	№	
28	ОПИСИ		
I	РАЗДЕЛА		
2	ФОНДА		
АРХИВ ИРИ ГАН			

Стенограмма беседы
с Героем Советского Союза
Г. Васильевым И. Р.

№	ФОНДА	2
	РАЗДЕЛА	I
	ОПИСИ	28
	ДЕТА	14

I
оп.
кв. № 28

12 листов.

кн 344

КОММИССИЯ ПО ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.

Стенограмма беседы с
т. ВАСИЛЬЕВЫМ И. Е.

Беседу проводит научный
сотрудник Комиссии т. КРОЛЬ.
Записывает т. Рослякова.

Москва. Госпиталь. 22-го декабря 1942 года.

В А С И Л Ь Е В В Иларион Романович, - Герой Советского Со-
юза, панфиловец.

Когда родился, я не скажу какого числа и месяца, в 1910 году. Родился в Новосибирской области в Крапивинском рай-
оне, с. Мангут. Мать умерла, полутора лет от матери остал-
ся. Отец другую жену себе взял. Нас четыре брата осталось
от матери. Когда подросли немножко, ребятам стало по 13-
14 лет, а мне стало 8 лет, мачеха нас всех разогнала. Я са-
мый последний ушел. По людям приходилось скитаться. Роди-
тели были крестьяне: лошадь была, корова была. У мачехи
были свои ребятки. Она своих двоих привела, нас не стала
держать. Все мы четыре брата ушли. Ребята ушли в работни-
ки. Я ушел к сапожнику Семке Суворову. У него жил год
целый. Он говорил: ты немножко присмотришься, поработай.
Сидел на строчке. Вечером задники пристрачивал к сапогам.
Я не ходил к отцу и маме. Она на нас, как на собак смотре-
ла, я не ходил к ним. Потом другой меня сманил. У друго-
го жил, делал что полагается. Он меня тоже кормил. По-
том Семка Суворов летом поехать к себе зазвал. И я к нему
пошел, еще год отжил. Когда уже я поднялся, лет так мне ста-
ло одиннадцать, я перешел к Ивану Хаотурину, так проезжий
жил в то время у нас. Я у него стал жить, где дров по-
рубить, где что. Он меня продержал полтора года. Он прие-
хал из Вятки, ничем не занимался, жил хорошо. Приехал он
одиноким. Жил он в одной семье. Муж хозяйки был посажен в
тюрьму и в тюрьме умер, а он как будто бы в дом вошел к это
хозяйке. Тут мне нехорошо было. Я уже поднялся, мне пошел
12-й год, помогать здорово стал. Ездили просто там на
мне. Прожил я у него полтора года, до 12-ти лет. Тут меня
заввал колбасник - кулачек - пойдешь ко мне работать, я те-
бе буду платить. Он имел большое хозяйство. Была у него
колбасная мастерская и мыловаренное предприятие. Когда
к нему поступил, стал за большого работать, стал ездить
на лошадях. Помню хорошо пара лошадей была. Одну звали Во-
ронько. Накладешь снопы, Воронько этот вырвется, силенок
нет удержать и домой. По дороге все снопы растеряет. При-
дешь домой, хозяин ругает. Ну перетерпишь. Он мне платил
три рубля в месяц. Я у него два года перетерпел. Потом
еще до коммуны мне стали люди так говорить: отойди от них.
Мне уже 14 лет с лишним. Тут один парень подвернулся, стал
угovarивать меня - мой тесть колодцы копает, мы колодцы с
тобой будем копать, деньги будем зарабатывать и тебе

лением этим.

Там меня в армию призвали. 17-го июля мне приказано было явиться. Я учился в Юркинских лагерях под Томском. Там я проходил военную службу. Прошла жизнь ни за грош, ни за копейку. Вызвали меня в райвоенкомат. Два раза вызвали, но из НКВД нас не брали, броня была. Я просил, чтобы скорее меня взяли.

О начале войны узнали по газетам. Радио там неважно работает. Когда в райвоенкомат вызвали, я стал просить, чтобы меня скорее взяли. Они говорят: так и так, броня наложена. Потом нас середняков человек семь вызывают и говорят: собирайтесь. Я говорю: мы давно уже собраны, давайте заработную плату! Заработную плату нам привезли на дом. При райвоенкомате была создана комиссия, где врач сидел. Врач спрашивает, как себя чувствуешь, здоров или нет? Кто говорит нездоров, то, другое. Когда меня врач спросил: здоровы? "Здоров" "Все здоровый?" "Все здоровый". Из семи человек только взяли двоих. Пошел Калинин, теперь погибший и я. Он жил в деревне Кок-су, где был сельсовет. Я жил на первом участке. Остальных оставили. Нам дали из НКВД лошадь. Мы на этой лошади доехали до станции Суразоки. На этой станции погрузились, приехали в Алма-Ату. В Алма-Ате была сформирована 4-я рота. Стали всех нас проверять, кто как стреллет. Отобрали нас человек 40. Вызывают: такой-то-отходи, такой-то-отходи. Мы не знаем, что это за человек. "Вы будете заниматься с истребительной группой. Мы стали заниматься в отдельности по танковым истребителям. Там я познакомился с ребятами, которые со мною были. Мы там прожили недолгое время. Жили в лагерях. После лагеря нас на станцию погрузили и повезли на северо-западное направление. Командиром роты был ГУДИЛОВИЧ. Его буйили не так давно. Старшиной был ДЖИВАГА-живой.

Дорогой проводили занятия. Мы дорогой изучали оружие, между прочим, гранаты изучали. Местности я не знаю, не могу сказать, где проезжали. Нас бомбили дорогой. Не доезжая километров 200 до передовой нас сгрузили и мы пошли пешком

Когда мы присягу давал, выступил ПАНФИЛОВ. Мне трудно передать, что он говорил, потому что я его словами не сумею сказать и много уже времени прошло. Папиросы давал лично мне и нашему истребительному противотанковому отряду. Он с нами не занимался, но посещал нас. Часто спрашивал, как чувствуете себя? Как будем бить в дальнейшем, когда поедем на фронт? - Как собрался ехать на фронт, то ясно не спать и бить. Да разве упомнишь, что он говорил. На передовую приезжал, на передовую папиросы давал.

Когда на северо-западное направление приехали, то никакая рота, никакой взвод, никакой батальон не принимал активных боев нигде. Первой вступила в бой наша 4-я рота. У нас там трех человек убили. Там в одном месте за Новгородом здорово разгромили одну группу немцев. Там было болотистое место около Ст. Руссы. Поэтому нас направили в Крестцы. В Крестцах нас погрузили на станции и повезли на Москву. Мы разгрузились на станции Матренино и походным маршем пошли на совхоз Булычово. То ли это было вначале ноября, то ли в конце октября. Мы были во втором эшелоне, заняли оборону, окопались. Утром бой впереди нас шел, но мы во втором эшелоне сидели. Дали, что нас привели на передовую,

а нас во второй эшелон посадили. Всю ночь просидели, Утром привезли завтрак. Мы все замерзли, холодно было. Водки принес политрук КЛОЧКОВ. По сотке водки дал. Потом говорит: подымайтесь, я вас сведу в деревню, обогрею. Пошли в деревню. До деревни не дошли, догоняет командир роты Гундилович, командует - обратно! Ну обратно, обратно, повернулись обратно. Вышли на левый фланг, заняли оборону. Когда окапываться стали, немец стал из минометов по нас бить. Мы быстрее стали окапываться. Окопались. Противник стал наступать. Видать было, что люди отходили с правого фланга. Мы думали, что одна смена уйдет, другая заступает в бой. И левый фланг отступил и правый фланг отступил. Мы бой приняли и держали оборону. Немцы на нас наступали. Мы держались около семи или восьми часов. Танков у немцев не было, наступала пехота. Мы пехоту все время отбивали и в конце концов нас немцы кругом обошли. Командир роты говорит, что немцы заняли совхоз Булычево и кругом танки прошли. Мы в окружении остались. Давайте отходить. Но отходить некуда, потому что кругом немцы. Мы в лес. В это время у нас человека четверо убили. Мы на палатках убитых вынесли, похоронили в лесу, могилу вырыли. Заняли круговую оборону. Противник нас кругом обошел. И вот ждем... Вечер, темно стало. Разведку послали в совхоз Булычево. Разведка донесла, что там немцы остановились. С левого фланга бросили разведку - немцы, с тыла - немцы. Недалеко деревня была. Деревни все горели в это время, не горела только одна деревня в лесу. Мы туда бросили разведку. Разведка донесла, что там немцев нет. Все пермерзли. С утра голодные, хлеб а нет, мокрые все. Командование нас повело в эту деревню. Пришли в эту деревню, расположились. Командование дало команду обсушиться. Обсушились. Кругом посты расставили.

Рядом была большая деревня ОСТАШКОВО. Мы обогрелись. Кругом деревни горят. Немец ракеты бросает. У нас патрули ходят. До часу мы пробыли в этой маленькой деревне. Потом нашли человека, который вывел нас из этого окружения. У нас был пулемет, миномет был один ротный, двух лошадей ваяли с санями все сложили, начали выезжать из лесу. Выводить стал какой-то человек из мирного населения. Вывел нас к Волоколамску. Когда мы пришли к Волоколамску в какую-то часть, нас накормили и сказали: оборону занять у деревни ЖДАНОВО. Где эта деревня, конечно, мы не знаем. Вел нас командир роты и политрук Клочков. В д. ПИТЕЛИНО остановился штаб. Дальше д. Жданово, Вастльево-Красиково. В боевое охранение назначили нас. Мы постояли там, потом смену нам дали и мы вышли. Приказали окапаться около развезда ✓ ДУБОВСКОЕ. Окопались. Приезжают Пандилов и Каправ... - командир полка. " Кто вам разрешил здесь окапываться?" Мы говорим: командование. " Не здесь надо окапываться. Вот на этом бугре окапывайтесь овалом около дороги". Где командование сказала, там и стали окапываться. Мы опять окопались. Взяли лошадей и ✓ сани и давай шпалы возить, укрепления делать. У нас с правого фланга была ложбинка, а с левого фланга дуг большой, который подходил к линии железной дороги. Дорога как раз шла из д. Ждановой к . Мы на этой дороге окопались и укрепились. Два ряда шпал накатником накатали, замаскировались. Нас назначили в боевое охранение. На горе около д. Ждановой были большие окопы выкопаны. Я стоял на посту. Не помню какого это было числа, то ли 10-го, то ли 11-го... Вдруг мина прлетела и взорвалась недалеко около этой деревни. Я забежал в избу и говорю политруку Клочкову:

- Из минометов начинают по деревне?

- А много?

- Нет, говорю, одна прилетела дурная, но считал долгом вам сообщить.

Потом слышу, с той стороны деревни из автоматов стали стрелять по нас. Когда из автоматов стали стрелять, я заскочил в избу и говорю: "Давайте в ружье. Тревога".

Все повыскочили, схватили винтовки и давай напором идти по этой деревне. В это время начали стрелять по опушке леса. Мы стали отстреливаться. Немцы сперва сопротивлялись, потом стали отступать. Отступать стали в лес. Скопились на опушке леса, тут мы стали ловить их на мушку. Убили мы тут человек 30. Всего их было человек 50. Остальные отошли. Мы - опять на исходные позиции в деревню, по выше поднялись. Смотрим, как раз против наших окопов машин за машиной. Десять автомашин идет, пехоту везут. Мы сразу в окопы, по окопам расположились. Они начали стрелять. Там около шести часов держали схватку. Глядим три танка идут. Нас была человек в 30 группа. Танки идут, а у нас патроны на исходе, нечем стрелять. Связного послали, но связной не вернулся. Бились, бились политрук Ключков говорит: патроны на исходе, давайте отойдем на исходные позиции, потому что нас могут захватить.

Немцы заняли эту деревню Жданово. Боевое охранение послали в Красиково, где стоял второй взвод. Туда пять человек немцев устремились в разведку. Недалеко наш взвод был а мы находились в окопах около разьезда Дубосековского. Они прибегают и говорят, что много немцев заняли Красиково. Командир роты говорит: давай второй взвод, сейчас же окружить деревню и взять!

Мы эту деревню обошли, выгнали немцев, взяли в плен двух, двух убили, один убежал, три автомата взяли, ручной пулемет взяли. Пришли на исходные позиции опять в Дубосеково. Это было числа 13-го. Мы тут два дня или три побыли.

Числа 16-го нам выдавали заработную плату, старшина привез. Мы по переменно ходили получить заработную плату, в ведомостях расписывались.

16-го числа часов в шесть утра немец стал бомбить наш правый и левый фланги и нам доставалось порядочно. Самолетов 35 нас бомбило.

После воздушной бомбардировки колонна автоматчиков из д. Красиковой вышла. Шла они в полный рост. Как раз бугор перед ними был. Они пошли на этот бугор. Мы, конечно, думали, что измена, потому что нет команды огонь открывать, а они подходят совсем близко. Потом сержант ДИРОВАВИН, помкомвзвода был, свистнул. Мы по автоматчикам огонь открыли. Мы бьем, они, конечно, идут. Это было часов в семь утра. Погода была ясная, мороз, денек хороший был.

Автоматчиков мы отбили. Тут у нас недолгая схватка была. Уничтожили человек под 80. Там не до счета, считать не приходилось.

После этой атаки политрук Ключков подобрался к нашим окопам, стал разговаривать. Он поздоровался с нами.

- Как выдержали схватку?

- Ничего выдержали.

Мы думали, что отбив атаку автоматчиков, нам придется продвигаться вперед. Но команды вперед нам не дали.

Политрук Ключков заметил колонну танков. Говорит: "Двигаются танки, придется еще схватку терпеть нам здесь."

✓ Танков шло штук 20. Он говорит: танков много идет, но нас больше. 20 штук танков, не попадет на каждого брата по танку.

Мы все обучались в истребительном взводе. Ужас сами себе не придавали такого, чтобы сразу в панику удариться. Мы в окопах сидели.

- Ничего, - говорит политрук - сумеем отбить атаку танков: отступать некуда, позади Москва.

Стали на той почве, что не будем отступать и все. Бойцы тоже.

Танки стали продвигаться по направлению к нашим окопам, придвинулись совсем близко к окопу. Офицер вылез из танка и закричал: "Рус, сдавайтесь в плен! Тут сразу в него несколько залпов положили. Но тут изменник вышел с правого фланга, поднял руки кверху, ударился в панику.

Когда мы ехали на фронт, то мы говорили, что паникерам и трусам нет на советской земле места, их должна карать вся же рука и наша партия.

✓ В него прогремело несколько залпов. Стрелял в него я сам лично.

Приняли бой с этими танками. С правого фланга били из противотанкового ружья, а у нас не было противотанкового ружья. Приходилось выскакивать из окопа. Команду политрук подавал.

- Принять бой с танками, вылезти из окопов!

✓ Начали выскакивать из окопов и под танки связки гранат подбрасывать. Подбросишь связку гранат под гусеницы танка, сам отбегаешь в сторону и ложишься на землю. На экипажи бросали бутылки с горючим. Взрывы слышали. Что там рвалось, не знаю, только здоровые взрывы были в танках. Если же на экипаж бросишь, то на задний мотор бросишь или на бензиновый бак бутылку с горючим.

Как раз перед этим боем числа 15-го мы получили бутылки с горючим. Наш истребительный взвод вызвали подарки получать. Говорят: подарки привезли, идите получать. Стояли мы тогда в большом зале Петелино. Мы думали подарки, подарки, как на северо-западном направлении получали. Приходим туда. Командир роты говорит: ну давайте получать. Открыл ящик достаёт. "Не думайте, что подарки только нам и Гитлеру подарок к празднику. Какой праздник был я, конечно, не знаю. Мы тогда получили большое количество и бутылок с горючим и гранат.

Мне пришлось два танка подосвать тяжелых. Мы эту атаку отбили, 15 танков уничтожили. Танков пять отступили в обратную сторону за деревню Иданово.

✓ После этой схватки небольшая передышка была, так минут 30 наверное. В первом бою потерь не было. Может быть были потери с правого фланга. На моем левом фланге потерь не было.

✓ Политрук Ключков заметил, что движется вторая партия танков и говорит: "Товарищи, наверное помирать нам здесь придется во славу родины. Пусть родина узнает, как мы деремся, как мы защищаем Москву. Москва - сады, отступать нам некуда.

Так нам поговорил всем. Танки стали приближаться к нам совсем близко. Когда приблизилась вторая партия танков, Ключков высидел из окопа с гранатами. Бойцы за ним. Но мечта уже была потеряна, настроение было уже не такое, как при первой схватке, нервы уж не такие были. Прямо бежишь, как

сумасшедший. Из окопа выскакиваешь, бежишь зубы свесив стиснув. Думаешь - все равно помирать, так помирать, бить так бить. С таким настроением выскакивали из окопов и шли.

В этой последней атаке я два танка подорвал: тяжелый и легкий. Танки горели. Потом под третий танк я подобрался, который был левее меня, танк был тяжелый. Он шел по направлению ко мне. Я подбежал к нему с левой стороны. С правой стороны Петр Сингербаев - казах - подбежал к этому танку. Я помню, что бросил связку гранат. Не помню, в связке было 4-5 или 6 штук гранат. Тут меня ранило. Немец бил из дальнобойных по нас. Когда первая партия группами прошла, он стал бить из крупно-калиберных и дальнобойных по этому месту. Хотел разбомбить, чтобы пропустить второй эшелон танков. Попадания были и по левому и по правому флангу.

Правый фланг отошел, левый фланг отошел, мы остались одни на этом бугорке. Под пятым танком меня ранило. Получил три осколочных ранения и контузию. Меня направили в Павлов-Посад в госпиталь. Когда меня привезли, - я уже разговаривать стал - я спросил, где я был? Мне говорят, что ты был в санбате, был в дивизионном госпитале, а сейчас на эвакуации. Там меня мало поддерживали, на эвакуацию отправили. Я попал в Красногвардейск в госпиталь. С полмесяца ехали. Правда, уход хороший был. В Красногвардейске месяца полтора пролежал. Оттуда направили в Самарканд. В Самарканде месяца два с половиной пролежал. Потом в Ташкент. Из Ташкента в Анхабад. Я стал проситься из госпиталя. Меня не выписывают. Потом выписали в часть. Взасти комиссию назначили. Комиссия признала меня больным. Вам-говорят, надо в госпиталь. Я говорю, что я в госпиталь больше не пойду, мне надоело. Тогда сказали, что нужно группу подобрать и отправить в теплое место. Нас собрали 60 человек нестроевиков слабых, больных и отправили к Иранской границе за Наза-Дотрек, около Ирана. У меня были брови попаленные. Меня там спрашивали, почему у тебя глаза болят? Болели все лето глаза у меня. Я на солнце не смотрел несколько времени. Там стали с нами заниматься. Проучились мы там месяц. Я проситься стал: пошлите лучше на передовую, чем жару эту выносить. Комиссар говорит, что вас никуда не пошлем. Комиссию сделали. Комиссия опять признала меня больным. Потом опять комиссию сделали. Опять признали слабым. Потом третью комиссию сделали. Зачислили меня помощником шофера. Комиссия стала выбирать людей поздоровее в шофера. Нас шесть человек отобрали слабых и больных и послали в Анхабад в опергруппу. В опергруппу мы приехали, у меня был пакет. Я перед дал этот пакет начальнику опергруппы. Он распечатал - шесть человек нестроевых, куда я вас дену, что я с вами буду делать. Чтобы вы хотели работать по своему желанию? "Куда поставите, то и будем работать. Я вас пошлю в пересыльный пункт, будете работать?" - Почему, будем работать.